

Шестнадцать лет — много это или мало? Неизвестно. Человеческая жизнь коротка, от силы сотня лет, и сколько таких шестнадцатилетий отпущено Сюй Таю, чтобы ждать одного-единственного человека? Первые тринадцать лет жизни Сюй Тая были предметом зависти: любящие родители, верные друзья, он сам был ребенком, которого носили на руках... Увы, такие дни пролетели слишком быстро. Он даже не успел осознать их, как его собственная переменчивая судьба и Картина Трех Учений Шести Врат накрепко сковали его, связав неразрывными узами с Хуцзяожэнем по имени Мо Юй.

Шестнадцать лет — это радость и горе, счастье и разочарование. Мгновение ока. За шестнадцать лет невинный ребенок превращается во взрослого, а изящный белокожий юноша покрывается шрамами.

Да, сколько лет прошло. Сюй Тай изменился. Мальчишка ростом метр шестьдесят вырос в того, кого ждал Господин Шанцин. Теперь он был статен, как вековая сосна, метр восемьдесят ростом, с волосами, достигающими до плеч. Он любил надвинуть на лицо белую кепку, скрывая правильные черты лица. В его взгляде, остром и жестком, порой проскальзывала невольная нежность, сменявшаяся насмешливой хитринкой. Прирожденная грация заставляла прохожих оглядываться ему вслед, невольно попадая под его очарование.

Перед отъездом, покидая континент в одиночестве, он был вынужден отправиться в далекие края. С того самого дня, шестнадцать лет назад, он стал бесприютным странником без роду и племени. Вспоминая тот год, когда ему было всего тринадцать-четырнадцать лет, он не мог забыть череду странных и жутких событий, последовавших за инцидентом в похоронном бюро.

Человеческие сердца темны, как омуты. Его друга Хэ Сяожаня нашли содранным заживо в заброшенном классе школы, а на отца повесили ярлык убийцы, после чего тот бросил семью и исчез. Сюй Тая, не выдержавшего давления со стороны клана, спешно отправили за границу.

Он помнил, как после исчезновения отца дом превратился в проходной двор. Каждый день приходили какие-то чужие, неприятные родственники, чьи лица, вечно нахмуренные, напоминали грозное небо.

Его запирали в комнате, но это не мешало ему подслушивать:

— Сюй Тай не может уехать! Он единственный ребенок Второго господина, он обязан остаться, чтобы возглавить клан Сюй!

Мать была спокойна, лишь холодно усмехнулась их глупости:

— Сюй Тай — мой сын, а не ваша пешка. Да, Второй господин исчез, бросил нас, бросил весь клан Сюй, забыл свой долг! Вы ненавидите его, я тоже ненавижу. Но сейчас время паники. Любой разумный человек понимает: Шесть врат уже не те, что прежде. Стоит клану Сюй пасть, как остальные пять врат тут же набросятся на нас, жаждая уничтожить. Стать главой в такое время — это верная смерть! Вы так сильно хотите отправить Сюй Тая на убой? Или хотите сделать из него второго Пу И?

— Женские бредни! Клан не может оставаться без лидера! Он не просто твой сын, он наследник! Его судьба — служить клану Сюй, даже если придется сложить голову, это его долг! Завтра мы заберем его!

Эти люди бросили угрозы и, хлопнув дверью, ушли.

Госпожа У, с растрепанными волосами и потухшим взглядом, молча открыла дверь.

— Мама... я не хочу уезжать.

— Сюй Тай... милый, ты должен повзростеть. Когда нас не будет рядом, ты должен беречь себя. За границей помни — ты китаец. Если тебя обидят, не бойся, за твоей спиной великая страна. Не трогай никого, но и себя в обиду не давай.

Сюй Тай крепко обнял мать за талию, не желая отпускать, и сквозь слезы твердил:

— Мама! Я хочу остаться дома! Я никуда не поеду!

Госпожа У закрыла глаза и холодно оттолкнула его, произнеся самые жестокие слова:

— Нет! Ты должен уехать! Не возвращайся, пока не настанет крайний случай. Слышишь?

— Мама!

Сюй Тая силой уволокли из дома. Маленький мальчик с огромным чемоданом бродил по шумному аэропорту. Никому не было дела до заплаканного ребенка, одиноко слоняющегося в зоне ожидания.

Вдруг перед его глазами мелькнул белоснежный платок. Он поднял взгляд и увидел нежного юношу, который поправил очки в золотой оправе. Было трудно понять, юноша это или девушка — слишком изящные черты лица сочетались с женственной мягкостью. Его простая льняная куртка в китайском стиле казалась неуместной для такого возраста, но держался он с той же зрелостью, что и Мо Шанцин.

— Ты один? Где твои родители?

Сюй Тай, верный принципу не разговаривать с незнакомцами, отвернулся.

— Куда ты едешь?

Сюй Тай промолчал, продолжая всхлипывать.

Юноша сходил к стойке, купил два карамельных макиато и сел напротив. Заметив, как неловко чувствует себя мальчик, он перестал докучать, молча потягивая кофе. Затем он пересел ближе к Сюй Таю и углубился в записи в блокноте.

Сюй Тай, заметив на коленях у юноши рукопись Картины Трех Учений, потянулся, чтобы выхватить ее, но легкая бумага словно приросла к месту.

— Хочешь увидеть сценарий, будучи главным героем? — усмехнулся юноша.

— Ладно. Тогда просто дай посмотреть, — Сюй Тай не понял смысла его слов, приняв все за нежелание делиться. Он встал, подошел ближе, и благодаря природному обаянию они быстро разговорились.

На странице было написано одно имя — Хэ Сяожань.

Сюй Тай хотел, чтобы юноша писал дальше, но тот остановился. Сюй Тай не понимал, что происходит, он видел лишь незнакомые имена.

Юноша изменился в лице, став похожим на меланхоличного аристократа, и с улыбкой посмотрел на Сюй Тая:

— Что, хочешь увидеть?

— Да. Почему в твоём блокноте Хэ Сяожань? Кто ты такой?

— Судьба, рок. Со временем поймешь. А что до меня... если абстрактно, я творец миров, а если просто — я писатель.

— Писатель? А ты можешь изменить историю? Сделай ее счастливой, чтобы никто больше не умирал. Если проявишь милосердие, оживи Хэ Сяожаня.

— Прости, эти люди такие, какие есть. Я не могу их изменить. Если я все исправлю, зачем тогда писать эту книгу? — Юноша выглядел равнодушным к судьбам своих вымышленных героев.

— Скажи, в твоей книге еще кто-нибудь умрет? — голос Сюй Тая охрип от слез.

Юноша промолчал, глядя в бесконечное небо и перебирая четки из желтого палисандра, издавая горький смешок.

— Мне пора возвращаться, а тебе — уезжать. Следующую главу напишешь ты сам.

— Возвращаться? Куда? Ты не поедешь со мной?

Юноша поднялся, отряхиваясь от пыли мира, и улыбнулся:

— Не забывай, единственный, кто пройдет с тобой этот путь до конца — это Мо Шанцин. Он ждет, когда ты вырастешь, чтобы вы могли плечом к плечу выйти в большой мир.

Затем он вытащил из рукава пожелтевший листок бумаги, вложил его в сумку Сюй Тая, застегнул молнию и прошептал:

— Открой это через шестнадцать лет. Там все, что ты хочешь знать.

Сюй Тай не придавал значения бумажке, его мысли были заняты горем.

Когда я вырасту... мы вместе... плечом к плечу. Это обещание, данное Мо Юю, нерушимо. Но где ты сейчас, Господин Шанцин? Если я уеду так далеко, как мы встретимся?

Время стало неуловимым. Сюй Тай уехал на шестнадцать лет, получил докторскую степень за границей. Он пытался забыть детские шрамы, но они не исчезали. Он знал, что никогда не забудет того сна, как и того человека по имени Мо Шанцин.

Сейчас Сюй Таю двадцать девять. В руке у него неизменный чайный макиато, в памяти — тот странный юноша из аэропорта. Сюй Тай усмехнулся: круглое лицо, мягкость, ненадежность в деньгах, склонность к импульсивности, темные круги под глазами от недосыпа. Да, этот парень был довольно экстремальным.

Он нахмурился, вспоминая детали: аккуратно разложенные ручки, сложенные листы бумаги — явный признак ОКР. Его мягкость была настоящей, но и внутренняя тьма — тоже. Хотя он был элегантно одет, на тыльной стороне его левой руки виднелись глубокие шрамы от ножа.

Там все, что ты хочешь знать.

Сюй Тай вспомнил о письме. После долгих поисков он нашел его в книге на самой высокой полке.

Письмо пожелтело, бумага была исписана мелким почерком. Он смахнул пыль и начал читать:

Слезы, безжалостные и обжигающие, катятся по щекам. Смеясь над собственной хрупкостью, они, словно острый нож, вонзаются в грудь, падая на белые одежды.

Я пытаюсь сохранять спокойствие, пытаюсь не думать. Кто поймет? Когда настоящий кинжал

вонзается в грудь, ты чувствуешь тепло, небывалое облегчение. К черту великий путь, ты не бодхисаттва, ты не можешь спасти даже себя. Ты — ничто.

Твои усилия лишь усугубляют грехи, твой пот топит твоё будущее. Другие лучше тебя, они успешнее. В глазах окружающих ты — уродливый горбун, идиот! Зачем ты живешь?

Каждый должен платить за внешний лоск. Чем ярче блеск, тем глубже падение. Давай, сделай шаг, будь свободен, как твой старший товарищ, или просто прыгни, или возьми свой любимый кинжал и вонзи его в себя. Будь быстр, будь жесток к себе, не оставляй ни единого шанса. Твоя доброта — лишь ступенька к новым ошибкам. Подумай, боль — это учитель!

Что это значит? Это мысли человека, но здесь ни слова о будущем. Сюй Тай был в замешательстве.

Он взял колокольчик Цзымо, который всегда носил с собой. Он звенел чисто, но не мог вернуть того, кого он хотел видеть. Он смотрел в окно, за море.

Он думал о Мо Шанцине, о его величественном облике, о нескрываемом благородстве. Где он сейчас? Помнит ли он?

Тем временем, на старой улице Юси...

Чай все тот же, вкус прежний. Улица полна людей, но он стоит неподвижно. Как и меч Цыгу на его поясе, который не желает ржаветь. Люди стареют, умирают, исчезают... а он — нет. Не стареет, не умирает, не рождается, не исчезает. Данная небом судьба, чья душа? Он упорно влачит существование ради клочка бумаги. Но ради чего? Тот, кого он ждет, все не приходит.

Вернувшись за стол, Сюй Тай взял ручку юноши. Эту историю напишу я.

В голове пустота. Перо зависло в воздухе.

Я — человек грубый, знаний мне не хватает, но я хочу изложить всю свою жизнь в этом романе...

Как его назвать? Пусть будет — Картина Трёх Учений.

Первый том завершен. 19 июля 2017 года.

(Второй том: Цветы на ржавых доспехах) Глава 1: Рок

Кто я? Лицемерный странник, носящий маску шута. Нет, я — гениальный преступник. У меня

есть талант к злодеяниям, но почему я все еще притворяюсь добрым? Мир предает тебя на каждом шагу, чего же ты еще ждешь?

Помню, как только приехал за границу, я столкнулся с толпой мажоров. Они были богаты, избалованы, за их спинами стояли влиятельные семьи.

Один слабый ребенок, загнанный в угол кучкой сильных и жестоких парней.

— Этот парень сбежал из страны, потому что его семья от него отреклась?

— Сюй Тай, в Китае для тебя места не нашлось, ты думаешь, здесь чего-то добьешься?

— Проваливай, ничтожество!

Страх перерос в ярость. Я был как забитый зверь, с красными глазами, сжимая кулаки в углу, дрожа всем телом.

— Что, слабак, хочешь взбунтоваться?

Они смеялись, нанося удар за ударом. Боль была невыносимой, но со временем я привык к шрамам.

За месяц мое тело покрылось синяками. Но глубоко внутри меня, как прорвавшаяся плотина, бушевал гнев, превращая меня в разъяренного льва.

Я ненавидел всех: тех, кто заставил меня покинуть дом, тех, кто давил на меня, тех грешников, которые не должны были существовать.

Столько лет я не имел друзей. Да мне они и не нужны. Друзья нужны для того, чтобы предавать и использовать.

Пятнадцать лет я использовал всех, обманывал всех, и не чувствовал ни капли вины. Напротив, я считал, что очищаю мир.

Когда я ступил на путь убийцы драконов, невежественные люди называли меня сумасшедшим.

Юноша с мечом убийцы драконов в конечном итоге сам станет драконом.

О, кстати, представляюсь. Сюй Тай, 29 лет, живу в Австралии, выпускник факультета психологии Сиднейского университета. С детства обладаю «инь-ян» зрением, рожден с духовным корнем, принудительно стал главой клана Сюй.

Все началось с той похоронной церемонии, потом смерть лучшего друга, исчезновение отца...

Я бродил по улицам, сканируя прохожих. Один жест — и я понимал, кто они: высокомерные, лживые, прямолинейные... Я хотел читать их души, чтобы не быть марионеткой.

Я никому не верю. Отец, брат — все предавали. Я остался один, и я не знаю, что произошло. Хочу помочь, но не могу.

Но есть один человек, которого я никогда не мог прочесть. Мо Юй, Хуцзяожэнь, мой любимый Господин Шанцин.

Я думал, он даос, но ошибся. Он — единственный в мире Защитник Учения.

— Мо Юй... подожди, пока я вырасту... мы вместе выйдем в мир!

Холодная усмешка. Похоже, не судьба.

В общежитии я поставил колокольчик на окно. Глядя на птиц, я думал: вернется ли он?

Я протирал его каждый день, надеясь, что смогу, как шестнадцать лет назад, протянуть его ему и сказать: Господин Шанцин, давно не виделись.

Но шрамы на моем теле говорили, что тот юноша уже не вернется.

Прошло шестнадцать лет. Что дальше? Домой? Дома больше нет. Остаться здесь? Я здесь чужой.

Я взял колокольчик, и вдруг шарик внутри выпал и покатился по плитке, издав звон, похожий на симфонию. Я опустился на колени, чтобы поднять его, и почувствовал, как к горлу подкатывают слезы.

Я сдержал их. Хватит, Сюй Тай. Шестнадцать лет прошло, он не вернется. Ты обманул всех, включая самого себя.

Я вышел на улицу и встретил старика, собиравшего мусор. Он был одет как человек начала прошлого века. Я с презрением подумал: устроил перформанс? Глупо.

Я бросил колокольчик в мусорный бак и ушел. Старик подобрал его и рассмеялся:

— Господин Защитник Учения Мо Шанцин отдал свое сердце, а его предали. Смешно!

Я не обернулся.

— Колокольчик разбит, человек тоже скоро погибнет...

Я остановился. Обернулся, но старик исчез. Я бросился к баку, но и колокольчика не было.

Я сидел у мусорного бака, раздавленный горем.

— Молодой человек, думай перед тем, как что-то делать, иначе будешь жалеть в старости.

Передо мной протянулась рука, в которой был тот самый колокольчик.

Я поднял взгляд и увидел худощавого мужчину средних лет в темных очках и шляпе.

— Китаец? — спросил я.

— Молодой человек, включи мозги, прежде чем спрашивать. Ты видел хоть одного африканца в таком прикиде?

Говоря это, он нарочито покружился, демонстрируя свой серый халат, а затем снял шляпу и отвесил поклон в знак уважения.

Я почувствовал неловкость, поднялся на ноги, отряхивая пыль, и, почесав затылок, смущенно улыбнулся:

— Прошу прощения...

Он вернул мне осколки колокольчика, словно прочитав все вопросы, застывшие на моем лице. Его губы тронула горькая, полная глубокой печали улыбка:

— Раз уж у тебя есть своя история, может, сходим в парк и побеседуем?

<http://bllate.org/book/22324/2338167>